Вероника ДОЛИНА: снова сын...

Три недели назад Вероника родила Матвея, своего четвертого ребенка.

Моск. новости – 1995. – 2–9 июля (№ 46) – С. 12

Фото Николая ГАЛКИНА

Для человека ее профессии – активно работающего, концертирующего не только по стране, но и за рубежом, держащего (почти железной рукой) дом и семью, – случай героический. Старший сын – студент университета, младший – пищит в коляске...

– Когда в 20 лет ты спела: "Когда б мы жили без затей, я нарожала бы детей от всех, кого любила...", это как-то сбылось?

– Стихам свойственно сбываться, если к ним относиться серьезно. Я была девочка серьезная.

– Ты в молодости представляла себе, что так будет?

– Ничего такого я особенно не представляла, жизнь как-то шла и шла. Мало ли что можно наворочать юношескими мозгами? Что это потом как-то будет воплощаться, трудно было себе представить. А воплощалось оно затем от отрезка к отрезку, от виража к виражу, как бывает на длинном пути, когда глаза устают – мыслишь от одного фонарного столба до следующего... Я очень поддерживалась стишками своими, немудрящими, простоватыми с виду, но я ими подпитывалась, себя преобразовывала посредством... Получается, что многое себе напела.

– Ты довольна своими детьми?

– Я их очень люблю. Они все непростые, неодномерные. Я регулярно претендую на мудрость, иногда даже многомудрость, но боюсь, что все, что связано с подращиванием моего потомства, делалось совсем не мудро с моей стороны.

– Что ты имеешь в виду?

– Да все! Все делалось, как Бог на душу положит. Я боюсь, что я очень небольшой Песталоцци. В какую книжку по воспитанию я ни ткнусь – я со всеми не согласна, мне кажется, что ребенок – это такой осколок души, очень свободный, как может, так и живет, ты живешь с ним рядом, и что из этого получается, совершенно непонятно. Так что я имею три (уже четыре) совершенно непонятных осколка себя, но в то же время это еще не только я, там много разных участвующих стихий... У меня нет особенной довольности, но у меня много любопытства...

– Ты как-то сказала, что твои дети разных поколений совершенно разные...

– Это так. Последний маленький родился наиболее цельный и складненький. Видно, уже младенцы чуть другие родятся. Что касается предыдущих поколений, тут есть какие-то вехи (я ничего не навязываю, я бы рада была обобщить и сказать что-то такое поколенческое, да не могу – у всех все по-разному). У моих разница налицо во взаимоотношениях с жизнью, во взаимоотношениях с людьми (сейчас гадость скажу), с совестью, с культурой, с книжками... Другие, и все тут, ничего не попишешь.

– Ты им что-нибудь запрещала?

– Да, наверное. Но не очень много. Какие-то простенькие вещи, вроде ковыряния в носу на людях или хватания последнего куска с общего стола пятью пальцами...

– А двумя можно? Или вилкой?

– Двумя, если очень стыдливо, может быть, и можно. А вот чтобы всей пятерней – это очень, по-моему, противно. На самом деле мне гораздо больше нравится разрешать.

– Эта политика принесла свои плоды?

– У меня пока нет никаких результатов моей политики. Они сильно привязаны ко мне – в смысле жизни, а не в смысле любви, я не про эмоции, а про зависимость, к сожалению. Они зависят от меня душой и телом. У них есть самостоятельность – какая-то своя, но они очень "детские", что ли...

– Со стороны кажется, что быть твоим ребенком страшно интересно. А на самом деле как, как ты считаешь?

– На самом деле есть трудности. Я не полный тиран, но я достаточно властолюбива и властна. Своим подросшим детям я иногда грозно, иногда жалобно говорю: "Имейте в виду, дружить со мной очень выгодно, а не дружить со мной – небезопасно". Это объемистая такая формула, потому что она в принципе распространяется не на одних только моих детей. Каждый должен понять ее для себя как может – и дитя, и не дитя. Насколько тяжело жить со мной в непосредственной близости, не знаю. Наверное, не очень просто.

– Ты последовательный человек?

– Я очень последовательный человек.

– Совсем недавно ты сочинила песню, где были слова: "Страшно за детей". Где же последовательность – родила еще одного, когда со всех сторон только и слышишь: страшно рожать?

– Мало ли что с языка сорвется... Я последовательный человек, но мне и страшно, и не страшно, мне и больно, и весело временами... "Страшно за детей" – возможно, в моих устах это не настолько расхожие слова, как у других. Люди говорили страшные вещи еще до 1987 года: например, в быту звучала ужасающая фраза "Надо уезжать". Ничего не было обыденнее, чем эта фраза. Слово не воробей! Или люди говорят что-нибудь вроде "Невыносимо жить!" или "Здесь все кончено". Я эту фразу слышала многие десятки раз. Это жуткие слова, а люди не все знают о силе слов. Я сказала "страшно за детей", но потом и до того я сказала многое другое. Я не переиграла, не заигралась в эти слова, это не окончательная формулировка. Сказал "страшно" – ну вот уже и не страшно.

– Матвей тебя надолго вышибет из седла?

– Не думаю, не хочу так думать. Мне неприятно думать так о ребенке, напротив, новый ребенок должен придать свежих сил. Я жду обновления, всего хорошего, не жду ничего плохого, и считаю, что судьба поможет. Такому экспериментатору, как я, судьба помогала и помогает. Думаю, не будет мне в этом отказано и сейчас. Я не могу не концертировать, потому что это кормит семью. К тому же это очень преображает меня к лучшему. Всем лучшим во мне я обязана концертам. Много чему, конечно, – мужчинам, детям, книгам, но на самом деле всем лучшим во мне я обязана концертам. Выпуклое отражение, которое присутствует на сцене, – отражение меня обыденной, давно подлиннее меня домашней. Если не в сентябре, то в октябре я уже как выпрыгну, как выскочу, пойдут клочки по закоулочкам...

– Дети дружат между собой?

– Дети любят друг друга, но душещипательной слезной дружбы нет. Они даже не очень умеют друг другу помочь, причем ни в бытовой, ни в экстремальной ситуации. Родственные узы – это ведь не совсем дружба, это те, кого не выбирают. Наши родичи нам частенько странны, острые углы, режущие части, колющие предметы, масса неудобства... Мои дети все время друг о друга спотыкаются, бьются, колотятся, царапаются... А что делать?

– Твои артистические музыкальные занятия как-то сказываются на них?

– У меня есть только моя собственная персона, а занятий никаких нет. Мои занятия в доме – это кухня, стирка, контроль, учет, регулирование всех и вся, насколько это возможно – иногда с сильным перехлестом. Музицирования или версифицирования никто никогда не видит. Да я и сама их не вижу. Это ушло куда-то глубоко. Я не очень знаю, где и когда это происходит. Немножко надо разогнать мысль, разогнать чувство. И вот так внутри себя раздуваешь уголек, но он уже давно в таком месте, что это не видно домочадцам. Это не впрямую расположено во времени и пространстве, это отдельное измерение. Я очень деликатно это измерение призываю в жизнь, впрыгивая на трап самолета, или на порог поезда... И наступает моя свобода. А домочадцам это ни к чему.

– Изменилось ли твое самоощущение при выходе на сцену? Ты начинала девочкой "С горящим взором, с поступью победной", а сейчас уже скорее дама...

– Дамочка, да. Мне очень жалко своего того, пусть комического, но все-таки образа. Мне его жалко интуитивно, потому что я понимаю, что это была прекрасность молодости, но я говорю об этом застенчиво, потому что мне не было дано это понять, я и сейчас имею лишь догадки по этому поводу. Наверное, в чем-то это было даже здорово, и наверное, мне самой было здорово, но мне было очень неуютно, мне было часто очень грустно, страшно одиноко. Вот и вся здоровость того периода.

– Сейчас ты более уверена в себе?

– Я очень уверена в себе. Вероятно, это гадко и необаятельно звучит, но на очень многих уровнях я уверенный в себе человек. Просто выпадали такие ужасные ситуации, что нельзя было не увериться в себе. У меня ничего и никого не было, кто бы вытащил меня за воротник из разных перипетий. Даже если я находила какую-то руку, которая могла ко мне протянуться, то таким божественным способом я ее находила, что не поверить в себя и не пометить себе это ("Смотри, как мы выкарабкались!") было нельзя.

– Я помню, ты когда-то говорила, что в своем жанре чувствуешь себя одиночкой...

– Сейчас это для меня перестало иметь значение. Я пришла к выводу, что, видимо, всякий одинок, как может, цепляется, как может, карабкается, как может, размножается. Кто-то чуть активнее, кто-то чуть инертнее, это не имеет значения. Живая душа имеет ценность в том, что она живая душа. Если человек не какая-то откровенная сволочь, то он очень даже и лапочка.

Расспрашивала Елена ВЕСЕЛАЯ